

СОДЕРЖАНИЕ

- 9 МИР СТОИТ НА ГОЛОВЕ, А КНИГИ —
В ГАРАЖЕ
- 15 ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ЧИТАТЬ КНИГИ
В НАШИ ДНИ?
- 21 ХОРОШО ВЛАДЕЕШЬ НАВЫКОМ
ЧТЕНИЯ — БОЛЬШЕ ВИДИШЬ
И СЛЫШИШЬ
- 29 ЧИТАЕШЬ — ЗНАЕШЬ БОЛЬШЕ СЛОВ,
А ЗНАЧИТ — МЫСЛИШЬ ШИРЕ
- 44 Способы чтения
- 49 ЧИТАЯ БОЛЬШОЙ ТЕКСТ С ЛИСТА,
ЛЕГЧЕ ЕГО ПОЙМЕШЬ, ЧЕМ ПРИ
ЧТЕНИИ С ЭКРАНА
- 55 ИСПОЛЬЗУЯ ЭКРАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ЧИТАЯ КНИГИ, УЧИШЬСЯ МЫСЛИТЬ
ДВУМЯ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ
- 65 ЧИТАЯ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ,
ЛЕГЧЕ ПОНИМАЕШЬ ОКРУЖАЮЩИХ
- 74 Эмпатия
- 77 ДЕТИ, РАСТУЩИЕ В ЧИТАЮЩЕЙ
СРЕДЕ, БОЛЬШЕГО ДОБИВАЮТСЯ
В ЖИЗНИ

- 85 СРЕДИ ЧИТАЮЩИХ БОЛЬШЕ
ТВОРЧЕСКИХ И ЖИЗНЕРАДОСТНЫХ
ЛЮДЕЙ, ЧЕМ СРЕДИ ТЕХ,
КТО НЕ ЧИТАЕТ КНИГ
- 94 Домашние библиотеки
- 97 ЧТЕНИЕ — ЭТО ТРУД, А ЕСЛИ
НЕМНОГО ПОВЕЗЕТ —
ТО И УДОВОЛЬСТВИЕ
- 104 Чтение и выгорание
- 107 ЧТЕНИЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ —
ОКНО В МИР, ИЗ КОТОРОГО ВИДЕН
И ОТЧИЙ ДОМ
- 126 Общение сквозь время
- 131 ЧИТАЯ КНИГИ, УЧИШЬСЯ ДУМАТЬ
СВОЕЙ ГОЛОВОЙ
- 141 Спасибо!
- 145 Источники
- 155 Примечания переводчицы

МИР СТОИТ НА ГОЛОВЕ, А КНИГИ — В ГАРАЖЕ

Всю жизнь меня окружают книги. Мои родители — неутомимые читатели, а мама к тому же книги пишет и переводит. Моя спутница жизни тоже читательница, автор и редактор. Книги читали и писали все женщины, которых я когда-либо любил. И что еще немаловажно: моя дочь тоже читает и пишет. Книги не только predeterminedили мою профессию, они являются неотъемлемой частью моей жизни: они оставались со мной, невзирая на карьерные перипетии, разводы и переезды. Признаюсь: я к ним пристрастен, я их просто люблю. Но, как и всякую любовь, мою преданность книгам можно было бы назвать слепой: подобно многим другим читателям, я не задавался вопросом, почему люблю читать и как это сказывается на мне и моих близких.

И вдруг, в один весенний день, я наконец был вынужден окончательно признать: наши практики — то, как мы читаем, слушаем, смотрим, общаемся и вообще имеем дело с медиа, — полностью изменились.

Тогда, гуляя по старинному центру Любляны, мы с дочкой зашли выпить кофе, и она, беседуя со мной, то и дело отправляла кому-то сообщения. При этом, не прерывая беседы со мной и держа телефон чуть ниже столешницы, набирала текст, почти не глядя на экран. Пожалуй, это у нас семейная черта — порой мы склонны отвлечься от разговора; это случается и со старшими членами семьи, причем даже в отсутствие технических средств. Новым явлением тут была способность моей дочери вводить текст, не глядя

на экран. Ее пальцы выплясывали на клавиатуре, будто зная наверняка, где расположена какая буква; телефон словно стал частью ее организма, своего рода коммуникационным протезом, с помощью которого письменное общение давалось ей с той же легкостью, с какой я, чихнув, утираю нос.

Хотя я и сам регулярно прибегаю к электронной коммуникации, мне такой ловкости достичь не удалось — скорее всего, еще и потому, что моя медийная социализация была иной. В далеком 1984 году, заканчивая учебу на философском факультете, я отпечатал свой диплом на пишущей машинке, что в сравнении с набором текста на компьютере было тяжелым физическим трудом. Затем отправился на армейскую службу в Воеводину и оттуда поддерживал связь с домом так же, как и десятки поколений моих предшественников: простой ручкой писал своим близким письма, а по средам, во второй половине дня (отправляясь в увольнительную), отстаивал очередь на почте в городке Панчево, чтобы со старого доброго проводного телефона позвонить домой. Скверное послекусие от псевдонародной музыки, лившейся из десятков магнитофонов и казарменных рупоров, я заглушал, слушая на своем портативном кассетнике группы Pankrti¹ и «Дэд Кэннэдиз» и сбегая иной раз в местную киношку, где порой показывали потрясающие фильмы. Я регулярно читал сербские газеты и журналы, потому и ныне кириллица² мне не чужда. Конечно же, читал я и книги, ведь без интернета, смартфонов и Netflix это была самая доступная форма проведения

Классический телефон — один из многочисленных предшественников смартфона.

досуга. Мне их регулярно присылали из дома, временами я заходил в местный книжный магазин или в субботний денек ускользал в самоволку в Белград.

С продукцией сербских и хорватских издателей я ознакомился задолго до того, как попал в Югославскую Народную Армию — еще школьниками мы с друзьями предпринимали театральные (книжные, концертные, тусовочные) эскапады в Белград и Загреб. Там можно было купить книги, которых не было в Любляне — книжные магазины были обширнее и богаче, чем у нас. Деньги на поездки в Лондон, Париж и Берлин в ту пору наскребались с трудом — даже самые скромные вылазки на европейский запад были для югославов сущим разорением. Но всякий раз, вырываясь туда, я возвращался с рюкзаком, набитым книгами.

Той Югославии, воеводинские равнины которой я пропахал по-пластунски, давно уже нет. Почта, пишущая машинка, кассетник, фотоаппарат, телевизор, кино, книжные

лавки, библиотеки, книги, газеты, навигаторы и доступ ко всем книжным и прочим магазинам мира — все это совместилось в одном устройстве, надежно покоящемся в моем кармане; его универсальность и почти колдовской функционал не дают ни малейшего повода удивляться тому, что более юные поколения, фигурально выражаясь, срослись со смартфонами физически.

Смартфон вместил в себя почти все средства связи XX века.

Жизнь моя протекала весьма счастливо — время от времени можно было посетить книжные магазины в Оксфорде, Лондоне, Амстердаме, Франкфурте и Вашингтоне, тем более что билеты на самолет разительно подешевели. Что же касается Загреба и Белграда, то они — о чем я порой сожалею — отошли на второй, дальний план. То, что все больше людей получает возможность перемещаться по всему миру, а источники информации, учреждения культуры, магазины, СМИ и телекоммуникации уместились в одном гаджете размером менее записной книжки, является, на мой взгляд, одним из самых революционных изменений в истории. Тех-

Если у вас это получится, то вы или сверхчеловек, или же каждый день совмещаете чтение с декламацией «Здравицы». А если сдадитесь — значит, побывали в роли того, кто, не научившись толком читать, воспроизводит слова по буквам и одновременно пытается понять их смысл.

- Ограниченные возможности оперативной памяти
- можно перехитрить, настолько упрочив ментальные способности, навыки и знания, чтобы иметь
- возможность пользоваться ими автоматически.

Став продвинутым читателем, я уже не мучаюсь над сопоставлением букв и звуков, распознаю написанные слова автоматически, чаще всего по их очертаниям, не дочитывая до конца. Так, понять, что речь идет о милой моему сердцу Словении (Slovenija) и не перепутать ее с менее милой сердцу, но все же вполне симпатичной Словакией (Slovaška), мне помогут три первые буквы и свесившийся под строчку хвостик «j». Вот почему я мгновенно узнаю слово «Словения», даже не читая его. И чем больше слов я узнаю, тем более бегло и непринужденно читаю. Точно так же, если бы я достаточно практиковался (годами), я мог бы одновременно читать газету и декламировать «Здравицу» (разумеется, из-за дефицита времени я не собираюсь этим заниматься).

Вернемся к сравнению начинающего читателя с электрической сетью: если у нас в доме то и дело выбивает предохранители, мы вскрываем стены и меняем проводку; того же эффекта мы добиваемся и для оперативной памяти, автоматизируя навык чтения — посредством частой практики, то есть часто читая. Все это требует немало усилий и самодисциплины, и никуда от этого не деться. Но, как после модернизации электропроводки у нас снимаются проблемы перегрузки сети, точно так же радикально со-

кращаются усилия, направленные на чтение, по освоении этого навыка.

- Поэтому те, кто хорошо владеет навыком чтения,
- видят, слышат и понимают больше, чем читатели
- неумелые.

На начальном этапе чтение книг требует усилий, и в этом, вероятно, заключается одна из причин того, что многие чтение не берут в привычку. Но в то же время это и первейшее соображение в пользу чтения: регулярно читая, мы как бы переводим свою оперативную память в автоматический режим, и чем большего автоматизма достигаем, тем легче нам читать и тем больше потенциала памяти используется для понимания того, что читаем.

Но почему для этого нужны именно книги? Разве не достаточно нам для такого обучения смартфонов, социальных сетей и сообщений, которые мы пишем друг другу? Ответ на этот вопрос звучит емко и кратко: нет, недостаточно. Чтобы бегло читать, нужна не только автоматизированная оперативная память, но и широкий, углубленный словарный запас, а его легче всего наработать при чтении книг. Подробнее об этом в следующей главе.

Узелок на память

У людей, которые не умеют бегло читать, спеллинг занимает умственные «мощности», которые можно использовать для понимания читаемого. Мы, читающие много, делаем это автоматически, не уделяя внимания звуко-буквенным соответствиям, тем самым направляя умственные силы на понимание того, что читаем. Поэтому: чем больше мы читаем, тем легче понимаем прочитанное.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ: КАК ПРОЦЕСС ЧТЕНИЯ МЕНЯЛСЯ СО ВРЕМЕНЕМ, ИЛИ ПОЧЕМУ ПЛЫТЬ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ ПОРОЙ ДАЖЕ ПОЛЕЗНО

На заре западной цивилизации, в стародавние времена, когда грамотных было раз-два и обчелся, все то, что мы теперь называем литературными произведениями, исполнялось вслух рассказчиками или чтецами. Примерно так же в средневековых монастырях во время трапезы вслух читали Священное Писание. Еще сотню лет назад у нас

Книги стали общедоступным благом только в XX веке.

и в других странах Европы люди собирались по вечерам в том или ином доме, чтобы послушать чтеца, — им, как правило, был единственный грамотей-односельчанин, умевший бегло читать.

В отличие от чтения про себя, при групповом чтении вслух нельзя, не причиняя неудобств другим, отрегулировать скорость прослушивания, остановиться, чтобы поразмыслить, или вернуться к исходной точке, если что-то забылось или непонятно. К тому же чтец обычно сам решал, что именно читать. А поскольку в Античности и Средневековье текстов было мало, одни и те же произведения читались по нескольку раз.

Такой способ чтения профессионалы называют контролируемым интенсивным чтением.

Этот способ чтения начал вымирать уже во время промышленной революции. В то время был изобретен паровой печатный станок, позволявший печатать книги быстрее и в гораздо больших количествах. Параллельно этому развитие торговли и промышленности требовало, чтобы как можно больше людей умело читать и писать, и многие европейские страны стали вводить обязательное начальное образование. Новоиспеченным читателям, грамотным, но относительно необразованным, хватало денег и свободного времени, чтобы читать на досуге, что порождало новые литературные жанры для массового, зачастую легкого, но тем не менее индивидуального чтения. Люди стали читать самостоятельно, с удобной для себя скоростью и без постороннего контроля в выборе книг. В то же время развитие полиграфических возможностей и издательского дела год от года увеличивали предложение книжной продукции для потенциальных читателей. В результате к людям попадало больше книг, чем они могли прочесть. Романы,